
Татьяна Янина
Сладкие
булочки

Татьяна Анина
Сладкие булочки

https://litres.ru/74731342

Аннотация

Этот шикарный мужчина был потерян мной после бурной Новогодней ночи.

И вот неожиданно появляется на пороге моей квартиры. Я смутно помню наше знакомство, и его предложение познакомиться снова, принимаю с радостью. Тем более, где в наше время найдёшь рыцарей с храбрым и добрым сердцем, готовых ради тебя прогнать дракона и сменить подгузник.

Увлекательная история взрослой женщины в разводе и отзывчивого вдовца. Добрые, адекватные герои. ХЭ.

Внимание!

Здесь не будет откровенных сцен и нецензурной лексики, а будет невероятно, сладко и очень интересно.

Содержание

Пролог	4
Ох, уж этот Новый год.	14
Мой лев!	39
Ищем силу воли	61
Новая глава жизни	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Пролог

— О, матушки! Дубак-то какой!

Хотела сказать ласково, но получилось хрипло. Неудивительно, что я скрипела и дребезжала. Как я вообще выжила после такой гулянки?!

Трясло меня, конечно, серьёзно. Я зябко обняла плечи, дрожа от холода. Тонкое, светло-серое пальто, не рассчитанное на прогулки в трескучей мороз, не застёгивалось, а запахивалось, после этой ночи, пуговиц явно не хватало

В голове какой-то бред, вообще думать не хотелось, а хотелось смеяться, что я и делала.

Мужчина, идущий рядом, меня обнял, прижал к себе. Он тоже ёжился от холода, кутался в своей кожаной куртке на коричневом меху, так удачно подходящему к его горячим карим глазам. Смеялся. Я смеялась в ответ без причины, говорить было нечего. Оторвались, так оторвались. Никогда Новый год не доставлял такое удовольствие. Если только когда-то в университете, именно тогда я была свободна от всей этой жизни, от переживаний и страданий. Тогда я была молода – небо казалось синим, трава зелёной, а Новый год настоящим праздником.

— У меня была шапка, — вспомнила я, поправляя ремешок сумочки на плече.

Сумка, закинутая за спину, при ходьбе меня шлёпала по

попе, что тоже вызывало смешки. Мы куда-то шли по ещё тёмным улицам. Уже никто ничего не праздновал, рассвет показался.

— Потеряла? Не мудрено, — мужчина опять посмеялся.

Не могу сказать, что от него веяло перегаром, скорее ароматом прошедшего веселья.

Я смеялась-смеялась, ухмылялась и вообще закрывала лицо ладонями, вспоминая прошедшую ночь, хотя она запечатлелась в памяти урывками.

Так и не вспомнила, как зовут этого прекрасного мужчину, который пытался согреть меня и поддерживал, между прочим, чтобы я не поскользнулась и не улетела куда-нибудь. Гололёд, а у меня сапожки осенние на каблучках.

Быстро двигались по тротуару, топча обрывки мишуры и пустые втулки из-под хлопушек. Повсюду лежали остатки новогодних украшений – смятые бумажные снежинки, яркие конфетти, потускневшие гирлянды, растянутым валялся разноцветный серпантин. В воздухе витал слабый запах хвои и дыма от фейерверков, которые продолжали взрываться до самого утра и совсем недавно стихли окончательно. Вдоль дороги стояли одинокие ёлочные базары, теперь опустевшие и тихие. Изредка проезжавшие машины оставляли за собой следы на свежем снегу, добавляя немного динамики в эту умиротворённую картину.

И мы, отгулявшие по полной программе, самые шумные в центре города.

— Куда идём? — поинтересовалась я.

— Сейчас хоть какое-то заведение найдём, чтобы согреться, — он зарычал, будто зверь, от холода и от желания окончательно протрезветь.

Я покосилась на своего спутника.

Красивый, кстати, мужчина.

Почему-то сразу показался мне спокойным и уверенным в себе. Волосы такие… Ух! Густые, слегка тронутые сединой у висков цвета самой чёрной ночи. Тонкие черты лица, немного азиатские. Глаза – глубокие, карие, словно два темных озера, в которых можно было утонуть. Взгляд был проницательным, но ещё чутка пьяным. В уголках чуть раскосых глаз прятались легкие морщинки.

Спина прямая, плечи расправлены. Вот это стать! Чуть выше меня, а я на каблуках.

Ну… Неплохо, хочу заметить. Мне даже не стыдно.

— Давай догадаюсь, о чём думаешь, красота моя ненаглядная, — голос его звучал мягко, бархатно, с легкой хрипотцой, которая добавляла шарм каждому слову.

И я реально млела. Вот так очнуться после празднования Нового года, а рядом такой… Офигенный, балдёжный и походу влюблённый. Как ещё-то этот взгляд расшифровать. И от этого легко и невероятно радостно.

Когда он улыбался, уголки губ поднимались чуть выше, открывая ровные белые зубы. Улыбка эта была теплой, искренней, и казалось, что она могла растопить лед под наши-

ми ногами.

Он завораживал меня, я его. Короче, праздник удался.

У него не было перчаток, и я видела пальцы – красивые такие, мужицкие, но больше всего меня заинтересовало, что никаких обручальных колец не имелось.

Может не всё так плохо в моей жизни! Всё время хотелось смеяться, до такой степени поднялось моё настроение.

Блин, ну как же его зовут?

— Догадалась? Может, вспомнила? Хотя вряд ли.

— Что значит "вряд ли"? Я не такая! Что... Реально? Такое впечатление о себе оставила? — заныла я, широко улыбаясь.

— В этот раз я тебе ничего не предлагаю в обмен на своё имя. Заметь, это уже прогресс, — посмеялся мужчина, крепко прижимая меня к себе.

Холодный ветер шептал что-то на ухо, когда я шагала, глядя на заснеженные улицы города, и эти тёплые, крепкий объятия пьянили.

Может быть, что это тот самый человек, которого я ждала так давно?

Его руки нежно обвили талию, а губы коснулись шеи, оставляя за собой дрожание и трепет уже не от холода. Человеческое тепло совсем рядом, интимная близость и всякое такое. И я даже глаза прикрыла от удовольствия. Холод снаружи больше не имел значения; внутри меня разливалось тепло, словно от горящего костра. Не сбивая шаг, повернулась к нему лицом. Взгляды, как два фужера встрети-

лись, ударились друг об друга, и пролилось вино необычных чувств. А глаза светились, отражая все те эмоции, которые испытывали – восторг, веселье и счастье. Да-да, именно счастье!

— Незнакомец, будь рядом со мной даже в самые холодные дни, — прошептала я, и мужчина притянул меня ещё ближе.

— Прямо сказка зимняя, как я пошёл свою принцессу искать.

— С хрустальной туфелькой?

— Ну, не с гробом хрустальным точно. Была туфелька.

В памяти что-то всплыло и тут же пропало.

— Ты забыла моё имя.

— Забыла. Каюсь.

Я остановилась, оторвалась от мужчины, в его объятиях было невыносимо жарко. Запрокинув голову к розовеющему небу, я опять смеялась. Изо рта валил пар, мороз щипал щёки и нос.

— А я твоё не забыл. Лада, сорок лет, в разводе, дочь совершеннолетняя.

Я бы могла ещё добавить, что я теперь бабушка, и у меня есть внучка, но кажется, я и так слишком много сказала мужчине, которого не знала.

Нахмурилась, приподняв одну бровь:

— А там, в морге… Ну, где мы проснулись, у нас ничего

с тобой не было?

— Ты о чём, распутница? — хитро нахмурился он, не показав, что шутит.

Всё прекрасно понимал. Если уж такое обо мне запомнил, то конечно сообразительный, и может не так много и выпил вчера. Хотя нет... Много.

— Вспомнила! — закричала я, стараясь не превращаться в брюзжащую тётку, а побыть хоть немного ещё счастливой молодой женщиной. — Вспомнила! Дима, сорок семь лет и почему-то пирожок!

Он отшатнулся от меня, вначале давился от смеха, а потом разразился громким ржачем.

— А ты булка! Сладкая Булка! — крикнул на всю пустынную улицу.

— Дима Пирожок, это был самый классный Новый год в моей жизни за последние двадцать лет.

— За последние двадцать пять лет моей жизни, Лада Сладкая Булочка, самый шикарный Новый год.

Дима выпрямился, протянул руку с открытой ладонью. Замер, как памятник Ленину, вызвав у меня очередную волну смеха.

— И? — громко спросила я у него. — Что это за мимоуказатель?

— Смотри, женщина! — торжественно объявил он. — У нас есть пристанище!

И я проследила за его жестом, обнаружив открытое в

шесть часов утра кафе.

— О, Дмитрий Пирожок мой, это чудесно!

Продолжая зябко кутаться в своё тонкое пальтишко, я посеменила на каблуках в сторону кафе.

— Мужчина не отставай, — кричала на бегу Диме. — Поторопись!

Он догнал меня и опять прижал к себе, стала достаточно тепло и приятно на душе.

Тёмное утро окутывало город плотным покрывалом тишины. Снег, выпавший ночью, лежал мягким пушистым ковром, покрывая крыши домов, тротуары и дороги. Пустота необыкновенная. Пару припаркованных машин у кафе, и мы, спешащие на свет.

На углу одной из улиц, среди закрытых магазинов и офисов, мерцали несколько окон, источающие уютный свет. Это было маленькое кафе, единственное место, где жизнь кипела даже в столь ранний час после убойного праздника. И мы с Димой забежали быстро туда, с трудом перестав смеяться.

Внутри спокойствие и тепло, так что я даже чуть простонала.

— Как ты сладко стонешь, — усмехнулся мой спутник. — За это я куплю тебе шикарный завтрак.

— Да, я с удовольствием поем, — кивнула я и огляделась по сторонам.

Деревянные столы и стулья с мягкими подушками – прямо оазис домашнего уюта. Стены в кофейных оттенках, се-

рьёзно расслабляли, и реально хотелось кофе. За стойкой бариста ловко взбивал пенку для капучино, к нему подошёл Дима, начал активно общаться.

Хороший мужчина, зашёл мне.

Официантка аккуратно расставляла тарелки с завтраком на столики.

Кто-то пришёл сюда, просто похмелиться или насладиться чашечкой горячего напитка перед долгим днём. А может даже взять с собой. Еда на вынос предлагалась, и одна из девушек несла упаковки на подносе.

Я стояла на входе, дула на свои руки, взглядом выбирала столик, где сейчас буду завтракать с мужчиной, которого в принципе не знаю. Но от этого хорошо, даже весело.

Взгляд врезался в спину высокого мужчины, который забирал у официантки еду в коробках и два стакана с кофе.

Серое мужское полупальто, которое мне так не нравилось, возможно, из-за мрачного, траурного чёрного воротника. Брюки идеальные и шикарные, начищенные до блеска ботинки.

Это Михаил Александрович Кренёв. Он был трезв, и никаких признаков празднования Нового года не было: ни на одежде, ни на морщинистом лице. В отличие от меня. Бывший муж забрал свой заказ, повернулся и встал, как вкопанный, врос дорогими ботинками в пол, с удивлением уставившись на меня.

Я же смотрела на него с некоторым страхом.

Лысина, хмурый взгляд высокомерный и продирающий до костей, поджатые в недовольстве узкие губы на идеально выбритом лице. Он сделал операцию, вернув себе зрение, но привычка поправлять очки осталась. Он, кстати, очки и носил иногда, с простыми стёклами, они ему очень идут.

— Лада… Что за вид? — тихо поинтересовался он.

Я не знаю почему женщины испытывают неловкость перед бывшими за свой вид, за то, что находятся рядом с другими мужчинами. Ведь есть девушки, которые мечтают отомстить и показать: вот как я хорошо живу без тебя, мне вообще замечательно! Но я не из их числа, мне очень неприятно видеть его строгий взгляд, который окидывал мой жалкий вид.

Колготки капроновые чутка порваны, грязные высокие сапоги, помято пальто без пуговиц.

Он старше меня всего лишь на шесть лет, а, кажется, это мой адский дедушка, который может выпороть.

Я резко отвернулась от Михаила Александровича, боясь даже сделать вдох, от его взгляда с укоризной, от его злобой пропитанного сурового лица.

Мой взгляд врезался в зеркало, висящее на стене. Увидела себя со стороны и обалдела.

Я очень сильно похудела за последнее время. После развода взяла себя в руки, ушла в спорт, в диеты, в разного вида процедуры, какие только могла найти.

Мои белокурые локоны лежали ниже плеч. Я стройна и хороша собой, лицо с мороза румяное, смазавшаяся тушь при-

давала мне воинственный, бунтарский вид.

Свобода и красота!

— Я подвезу тебя. Даже не думай сопротивляться.

— Это что-то на самодержавном, — усмехнулась я.

Чтобы противостоять этому монстру, нужно вспомнить, с чего начался вечер перед Новым годом.

Ох, уж этот Новый год.

Я жила с ним уже много лет, и каждый день был похож на предыдущий. Миша всегда знал, что лучше для меня, как одеваться, с кем общаться, куда ходить. И я не смела возразить, ведь он был сильной личностью, а я зависела от него. Всегда! Как забеременела ещё в университете, потом с ребёнком занималась, потом пыталась работать, но у меня, естественно не получалось так, как надо. И содержать я себя и Соню не могла.

А он мог.

Я слишком долго чувствовала себя слабой и беспомощной. И продолжала оставаться с ним.

Михаил Александрович человек сильный, властный, привыкший командовать, деспотичная личность, с ним тяжело жить, без него ещё хуже. Я любила его всем сердцем, старалась быть идеальной женой, поддерживала во всём, в моменты, когда ему было трудно. Его слово было законом, и никто не смел перечить. Я знала, что он любит меня, но эта любовь часто превращалась в диктатуру.

Муж изменил. Бросил. И это при том, что я себя в руки взяла, как только заподозрила, что измена возможна.

Это было словно удар под дых. Всё, во что я верила, оказалось ложью. Как можно было предать ту, кто отдал тебе всю свою душу?

Теперь я не знала, что делать дальше. В голове крутились отвратительные мысли. Может быть, я слишком доверчива? Или просто слепо верила в нашу любовь?

Мне больно, очень больно.

Надо найти силы, чтобы двигаться дальше.

Жизнь продолжается… Да?

А перед глазами эта отполированная рожа его любовницы, которая настояла на разводе. Развод я дала, меня оставили без жилья. Но и тут я смогла выкрутиться. Ведь Мише понравилось жить на две семьи, он и устроил меня на работу, тем самым дав надежду, что не всё потерянно.

Там только силиконовая грудь, а у нас дочь и внучка. Он должен был Новый год провести с нами. Не стала ему говорить, что дочь не захочет его видеть. Ко мне бы пришёл!

Сказал, что подумает. Подумал. Не пришел.

В темноте фонари, расставленные вдоль тротуаров, отбрасывали мягкие золотистые круги света, которые рассеивали мрак, но не могли полностью победить его. Прямо как в моей душе. Свет есть, а тьма поглощала. Ветер, холодный и колкий, поднимал вихри снега, и задувал под подол пальто.

Небо над улицей было усыпано звездами, которые, казалось, пытались пробиться сквозь плотную завесу облаков. Луна, скрытая за этими облаками, лишь изредка показывалась, проливая слабый серебристый свет на крыши домов. Как сказала бы Линка – новолуние.

Люди к празднованию Нового года готовились всеми пу-

тями, а я на грани отчаяния.

Горло сковало, холодный воздух не поступал в лёгкие, и я не знала как справиться с этим состоянием. Оцепенели пальцы, ими вцепилась в ограждение и чуть нависла над ним, глядя вниз. Всё внутри напряжено. Так отвратительно себя я давно не чувствовала. Пробивала дрожь. Я в полной пропасти, и чёрная вода не полностью замёрзшего пруда напоминала мрачную глубину моей тяжёлой накатывающей депрессии.

Так страшно!

Я вздрогнула от фейерверка, и с ужасом посмотрела вокруг, не понимая, где нахожусь, и что происходит.

Мне так больно!

Это предательство, это конец моей жизни.

Миша, как ты мог?!

Свет клином на тебе сошёлся… Ты весь мой мир… Или я зациклилась, позабыв себя?

Звонок на телефоне будто спасение. Я ждала, что Миша позвонит.

А звонила Линка.

— Ладушка-оладушка, — пьяненько посмеялась подружка. — Парад планет во главе с ретро Марсом: день прощения себе прошлых ошибок . Уже стоит лестница, но она не окрепла. Можно упасть

— Я… Я не понимаю о чём ты, Лина, — я закрыла лицо рукой, в перчатку впитались слёзы.

У меня гудело в голове, на сердце, в ушах. Я сжимала кулаки, слушая ретроградный бред подруги. Упала с головы в чёрную воду моя шапка, и белые красивые локоны разметались ниже плеч.

— Короче, я со своим поссорилась. Ирка тоже. На взводе, Лад! А столик заказан. Придёшь?

А на заднем плане смех и звон бокалов.

— Рано начали, — прошептала я. — Лин, как спастись? Ну, не размазня же я окончательная. Должен же быть во мне стержень?

— Ага, обязательно, я вот тоже мечтаю о стержне в себе этой ночью, — хихикнула Линка. — Давай к нам. Здесь подают варёных раков. Помнишь, как в детстве на речке мой дед варил? А? Ладка, айда к нам, и все печали пройдут!

— Конечно… Надо хвататься за возможность выбраться из этого...

— И я о том же! «Файрбол». Давай быстрее.

— Куда?! Не стара ли я для таких клубов?

— Ты шутишь, Лад? Похудела на сто килограмм…

— Шестнадцать всего. Но счастья это не принесло.

— Это пока, — строго заявила подружка. — Жду!

Я чуть похлопала себя по замёрзшим от слёз щекам. Неожиданно почувствовала облегчение. Я ведь реально зациклилась на этой измене.

Стала неожиданно легко дышать, и я смогла вдохнуть этот холодный морозный воздух полной грудью.

Тонула моя шапка между льдинами, я отвернулась от пруда, сунула телефон в сумочку и побежала.

Ты не знаешь, откуда приходит спасение. Когда кажется, что жизнь закончилась, она резко меняет курс.

А вокруг смех и веселье, которое ещё десять минут назад я не замечала. Этот праздник был для меня похож на какую-то погибель, ненужность и жирную, вонючую точку в моей жизни. А сейчас я ехала в такси, наспех поправляя свой макияж, и заставляла себя насильно улыбаться. Ведь это важно хоть как-то поднимать себе настроение.

****

Такси близко к клубу подъехать не смогло, на улице творилось что-то невероятное. Новый год беспощадно наступал – разум у людей пропадал. Ходили шумные компании, и я боялась дорогу переходить, от дороги до клуба могла пропасть.

Начало меняться настроение, оно однозначно улучшилось. Неожиданные сигналы машин, свист каких-то парней.

— Милф, пошли с нами!

И это было адресовано мне? Да, похоже на то. Молода, хороша, и всё у меня впереди. Рановато я себя похоронила – не самая лучшая моя позиция.

— Нет! — крикнула я парням и отвернулась, рассматривая полосу препятствий – проспект с активным движением и полное отсутствие пешеходного перехода.

Прикрыв руками похолодевшие ушки, я посеменила че-

рез дорогу, в надежде славировать между потоками машин. На другой стороне сиял вывесками и гирляндами клуб, манил к себе. Засмотреться на эти огни было несложно, они будто гипнотизировали. И неожиданно свист тормозов, и прямо в бедро толкнули хорошенько. Не устояв на каблуках, упала на проезжую часть, перед моими глазами мелькали огни аварийной сигнализации машины, которая въехала в меня.

Задыхаясь от испуга, я посмотрела на свои руки. Немного ударилась, но в целом удачно упала, похоже осталась цела. Открылись дверцы черной, явно дорогой машины, и вывалила целая толпа мужиков, глубоко за тридцать. Меня почти сразу подхватили под руки и поставили на ноги. Водитель выскочил последним, перепуганными карим глазами уставился на меня. В нос ударил кружащий голову запах свежей выпечки и вина, напоминая, что я давно не ела.

— Жива? — голосом приятным, как у какого-то диктора, спросил нерасторопный водитель.

И ещё что-то добавил, но слова его пропали в гомоне пассажиров машины. Ещё где-то хлопнул фейерверк, раздался дружный смех молодой компании, проходящей мимо по тротуару.

— Жива, — ответила, рассматривая водителя.

И я, наверное, шарахнулась бы в сторону, если б все мужики из этого авто были такими же восточными.

Но нет. Он единственный черноволосый, смуглый и гла-

за его тёплые, прямо с огоньком. Остальные мужики русые, высоченные и уже подвыпившие.

— Это хорошо.

Я с трудом уловила его голос, откидывала его руки, так как он нагло лапал меня.

— Не повредил? Точно? Лёх, глянь её! — громко попросил кареглазый мужчина.

И опять… Меня тут же подхватили чужие руки за подмышки и посадили на капот. Ох! Только пискнула! Будто мне ещё не скидывать восемь килограмм, будто я девочка, а не женщина.

— Нельзя женщину на капот машины! — возмутился один из мужиков.

— Почему, я видел женщину на капоте машины, — тут же ответил ему смешливый мужичок с носом-картошкой. — Правда, она лежала, и голову назад скинула.

Они громко захохотали. Меня кто-то потянул за волосы, пытаясь уложить на капот. И я закричала от возмущения.

— Да вы офонарели?!

Я с капота скатилась прямо в руки водителя, и он меня спрятал в своих объятиях.

— Отойдите от меня! — закричала я в его ухо.

— С ней всё в порядке, — ответил долговязый Лёха, — дама в шоке.

— От нас? — хрипло спросил седовласый мужчина, достав из своего кармана нечто сверкающее.

Я не смогла произнести ни звука, хлопала ртом. И тут прямо перед моим носом появилась сияющая хрустальная туфелька.

— А что, нормальных стаканов не нашлось? — скривился водитель, продолжая не отпускать меня.

— Бабкин хрусталь, у гламурного подонка спёр, — ответил Нос Картошкой, и его товарищи дружно заржали как кони.

Врач налил в хрустальную туфельку вино и подал её водителю, а тот уже протянул мне.

— Вина выпей, красавица, за новый год, — чарующим шёпотом предложил кареглазый. — За то, что я тебя несильно, и ты меня скромно.

Он подмигнул.

Вот бывает так: смотришь на человека, и он тебе нравится. И тебе приятно от его внешности, от эмоций, которые выражает его лицо. И в целом впечатление остаётся тёплое. От этого всего получаешь удовольствие. А я так мало в жизни получала удовольствие в последнее время, что сняла перчатку и взяла хрустальную туфельку.

— Ну, вот, я пью с незнакомыми мужчинами.

— А я предлагаю познакомиться.

Водитель аккуратно ударил бутылкой о хрустальную туфельку.

Гудели машины, объезжая нашу компанию. Мужчины махали руками проезжающим ,проезжающие сигналили, опус-

кали окна и кричали: « С Новым годом!»

Хотя до Нового года оставался ещё час.

Затаив дыхание, я выпила вино. Оно оказалось сухим и неприятным. Не разбиралась в вине, и я в любом случае люблю сладенькое. Да и не злоупотребляю никогда.

Вино оставило приятное послевкусие. Пустую тару я тут же сунула в руку доктору.

А в красивых горячих глазах незнакомца отражались огни приближающегося праздника, и горячие губы неожиданно тронули мои. Этот мимолетный поцелуй был таким нежным, что на мгновение потеряла дар речи. Внутри меня будто взорвался тот самый фейерверк, целый спектр противоречивых эмоций.

— Дима, — представился он.

И я моментом влепила ему громкую пощёчину.

****

Моя реакция возбудила мужиков, они не просто ржали, выли.

— А ты думал, будет просто?

— Димка.

— Димка мамкин Пирожок!

— А так всё хорошо начиналось, и хрустальная туфелька вроде подошла.

Высокие, подвыпившие мужчины трепали его густую чёрную шевелюру с тонкими прядями седины у висков. А Дима смотрел на меня и по-доброму улыбался. Давно не видела до

такой степени одухотворённого, доброго лица, ещё и красивого.

Одна щека ярче другой от пощёчины. Он замер, не обращая внимания на приколы.

— Ну, куда ты, Пирожок, к чужой женщине и сразу целоваться?

— Молодец, работает на опережение, — смеялся врач.

— Дама у нас замужем, вон кольцо поблёскивает.

— В разводе, — неожиданно испугалась я, что меня неправильно поймут и не за ту воспримут.

И винишко уже начало делать своё дело, и я, чтобы не обидеть мужчину…

Можно себе представить, что у меня в голове? Я боялась оскорбить наличием обручального кольца Диму, которому однозначно понравилась.

Кольцо я скрутила с пальца и демонстративно швырнула его через проспект. Признак принадлежности к Михаилу Александровичу Кренёву затерялся между колёс проезжающих машин.

— Не замужем я.

— Можно дальше целовать? — тут же спросил Дима.

— Нет. Незнакомы, — строго отрезала я и выскочила на пешеходную дорожку, и только оттуда попрощалась, — с наступающим Новым годом, господа.

Меня накрыла эйфория от того, что прессинг переживаний сошёл на нет. И способствовало этому многое. Не в вине

дело, а в этой аварии, где я почти не пострадала, и в этом неожиданном поцелуе. Поглощали целиком состояние сильного эмоционального подъема и удовольствия, неожиданного ощущения счастья, радости, восторга и даже легкости.

Он меня догнал, и когда я встала недалеко от клуба, взял под руку. И я несказанно была рада этому!

— Ты туда? — спросил у меня Дима Пирожок.

Я смотрела на клуб «Файрбол» , на вывеске которого сиял красно-оранжевыми огнями падающий круглый метеорит.

— Да, — ответила я и широко улыбнулась, уже по собственному желанию, без натуги или потому, что так психолог посоветовал.

У меня на сердце ощущение безграничной радости и оптимизма. Чувство, что все возможно, и любые трудности преодолимы. Я бодра, весела, и тело будто становилось невесомым, я наконец-то почувствовала, что похудела. А то килограммы уходили, а лёгкости не было. Оказывается, тяготили вовсе не складочки по бокам.

И это невероятное открытие, что есть связь с окружающими людьми и городом в целом. В момент, когда стояла с незнакомым мужчиной у входа в ночной клуб, я не беспокоилась о будущем и неожиданно перестала думать о прошлом. И время будто текло теперь быстрее обычного.

— Здесь будут подруги, у них столик заказан.

— А у нас целая ВИП, — улыбнулся Дима. — Празднуем не только Новый год, но и возвращение брата из Москвы. Он

должен подъехать.

— А вы так, компанией? Это твои друзья.

— И друзья, в том числе, больше ни с кем так близко не общаюсь, — с готовностью ответил он, немного сбив с толку своей открытостью.

Мужчина, похоже, решил слёту установить доверительные отношения. Сразу показывал свою искренность. И если честно, рядом с ним уже от этого комфортно. Судя по возрасту, человек не готов тратить кучу времени на выяснение отношений. Моментом происходила честная оценка интересов и ценностей. В целом он прав, не молодые уже, можно прямо в лоб фигачить откровения – это поможет избежать недоразумений и ненужных ожиданий в дальнейшем.

А мы судя по всему активно знакомились, при явном обоюдном интересе.

Забавно… Классно! И это со мной происходит, вот прямо сейчас!

И я, пожалуй, тоже не буду строить из себя кого-то, а буду предельно откровенной. Да. Это будет легко. Покажу настоящие черты характера, пусть смотрит, какая я есть, и не возникнет иллюзий относительно моего поведения в будущем.

— Я жутко любопытная, — призналась тут же. — Мне вот есть дело до всего.

— Можно узнать твоё имя?

— Лада Ивановна Кренёва, в девичестве Ладова. У нас пошло преждевременное раскрытие информации? Иногда

бывает полезно узнать друг друга постепенно, чтобы не перегружать собеседника слишком личной жизнью с самого начала. Но ты первый начал. Мне сорок лет, я пережила тяжёлый развод, муж подавлял меня. У нас с ним совершеннолетняя дочь, которая отца после измены ненавидит… Мне надо было это сказать.

— Умница, всегда говори всё, что накипело.

— Н-да? — с подозрением посмотрела на него, приподняв одну бровь. — А как же эффект отталкивания? Чрезмерно откровенные детали моей жизни могут оттолкнуть потенциального партнера.

— М-м-м, потенциальный партнёр с потенцией. Лада, я готов к такому уровню близости.

— Вау! Что значит: друзья, в том числе? Эти мужчины твои сослуживцы? Подчинённые или начальство?

— Нет. Мы братья.

— Все? — не поверила я.

— И ещё есть, — кивнул Дима Пирожок.

Я направилась в клуб, потому что Линка уже пять сообщений прислала.

— Ну, а что? — не отставал от меня мужчина. — Откровенность важна для построения здоровых и долгосрочных отношений.

— О, Боже мой! Дима Пирожок, откуда ты такой свалился?! — рассмеялась я. — Какие отношения? Ты меня чуть не сбил на своей машине.

— Машина не моя. Это, во-первых. Во-вторых, я ехал в клуб с полной уверенностью, что встречу женщину своей мечты. И тут ты под колёса кинулась. Так что, будем знакомы.

Я проталкивалась вперёд, чтобы сообщить охране на входе номер столика, но Дима неожиданно меня потащил в другую сторону.

— Кто-то будет встречать Новый год в очереди в клуб, — удивлялась тихо я, семеня по заледенелой дорожке, вслед за мужчиной. — Дима! Ты такой красивый, интересный, куда жену дел?

— Умерла полтора года назад, — ответил он, продолжая меня вести за собой вдоль фасада здания.

— Прости. Мне надо в клуб.

— Сейчас и попадём, — он остановился у еле заметной двери и позвонил в звонок.

Минуту смотрели друг на друга с ухмылками. Я поджимала ноги от холода и выдыхала пар.

Замок щёлкнул и дверь распахнулась. На пороге появился здоровый детина в деловом чёрном костюме.

— С наступающим, Дмитрий Васильевич, — пробасил он.

— Привет. Дама со мной.

Дима взял меня за руку и повёл внутрь.

****

Коридор был полутемный, освещённый мелкими неоновыми лампочками, напоминающими россыпь звёзд. Музыка

бахала где-то за стенами, приглушённо, а мы вышли к гардеробу, и был он соединён с общим гардеробом, но какой-то видимо элитный.

— А ты что, здесь завсегдатай? — поинтересовалась я у Димы.

— Нет, — ответил мужчина.

— Как нет, тебя по имени-отчеству.

— Ну, мало ли кто ко мне по имени-отчеству, — хитро прищурился он.

— Ты меня обманываешь, — как уже к хорошему знакомому обратилась к нему.

— Булочка, я здесь второй раз в жизни, — шепнул мужчина.

— Кто?! Как ты меня назвал?! — возмущённо протянула я.

Давясь от смеха, Дима начал расстёгивать пуговицы на моём пальто и принял одежду, чтобы отдать гардероб.

— От Пирожка слышу, — продолжила возмущаться я.

Я подошла к зеркалу в полный рост, посмотрела на себя. Макияж от моих страданий не особо съехал: осталась лёгкая дымчатая подводка глаз, нежные розовые тени и едва заметный блеск губ. Неплохо, а может даже и хорошо выглядела, раз так нравилась мужчинам. Но, увы, мне приходилось повторять себе, что я самая обаятельная и привлекательная. Внушала очевидные вещи… А если правде в глаза посмотреть, то красавица – всё нормально, всё на месте. Вон Дима

Пирожок как завис.

— Пойдём? — предложил он руку.

Но к нам с лестницы, ведущей наверх, я так поняла в ВИП-апартаменты, там ещё виднелась лаунж-зона, спустилась женщина.

Ухоженная дама за пятьдесят, выглядела потрясающе. Я намного скромнее одета, у меня офисный вариант, а она в вечернем наряде. Платье глубокого синего цвета, словно ночное небо, обтягивало шикарную фигуру. Шоколадные волосы аккуратно уложены в элегантную прическу, в которой каждый локон лежал на своём месте. Вот уж мастер постарался. Несколько прядей, выпущенных вдоль лица, по которому возраст не определишь. Но руки никуда не деть, они возраст выдают, да и шея тоже. Это общее ассоциация и жизненный опыт, лет на десять старше меня.

Сверкало колье из драгоценных камней. Я бы в жизни такое громоздкое украшение не надела.

— О, Димка! Ты всё же выбрался, негодник, — произнесла она и полезла моего кавалера обнимать.

— Ольга Николаевна, — натянуто улыбнулся Пирожок.

Я почувствовала лёгкий укол ревности. Ну, вообще не к месту. Это же незнакомый мужчина. Или я так легко привязываюсь ко всем? Нет, надо разобраться в себе, а потом уже вливаться в новые отношения.

ВИП не для меня в эту ночь точно, мои подруженьки скромно где-то сняли столик. И я, обнаружив проход в ос-

новной зал, медленно смылась в ту сторону. Пройдя немного, встала, чтобы ответить на звонок телефона. Ведь звонила дочь! Сонечке обязательно надо сказать доброе слово.

Дима меня из поля зрения не потерял. Он остался спокоен и разговаривал с импульсивной женщиной, присматривая за мной.

Это повеселило.

— С наступающим Новым годом, девочки мои, — громко сказала я в трубку.

— Мама, как у вас дела? — голосок Сонечки, как мёд на душу.

— У меня, дорогая. У меня хорошие дела, — вздохнула я.

— Всё понятно. Ты развелась с этим предателем. Не нужно было возвращаться.

— Я и не вернулась, — опять стало больно и горько.

Просто иногда боишься будущего, когда столько лет в браке и в относительной стабильности. Как-то неуверенно себя чувствуешь во время изменений. А вдруг придётся заболеть и не справишься. Вдруг рядом не окажется Сонечки и родных, а муж ведь – это крепость… Кто, в какой период моей жизни внушил мне это? Я только в сорок поняла, что нельзя так сильно привязываться к человеку. Особенно к чужому, которому ты не нужна. Жизнь не оканчивается за пределами мира Михаила Александровича. И здесь ни чуть не хуже, чем в его плену. Тем более моя единственная дочь, любимая и прекрасная, на моей стороне, готова во всём поддержать.

— Мам, ты меня слышишь?

— Да, Сонь, как там Полечка?

— С рук не спускают. Бабушка и тётя Лена привет передают.

— Поздравь всех там с Новым годом, — я слышала шум на заднем плане и голоса родных.

Я променяла их на вечер с бывшим мужем. Но бывшему я оказалась не нужна. Это последняя моя ошибка.

— Я скажу, что ты завтра приедешь.

— Да, я приеду к вам, — уже повышала голос, потому что музыка за стенами клуба стала интенсивней.

— Мама, я уже записала желание, сожгу бумажку и выпью пепел с шампанским.

— Только восемнадцать! Соня!

— Один фужер можно, ты сама разрешила.

Она уже не кормила грудью, молочко пропало на нервной почве. И она очень взрослая девочка. Мало того, что у неё ребёнок, дочь и содержит сама себя.

После разговора остались на душе грусть и радость одновременно.

— Хочу новую жизнь. Прямо сейчас, — заявила я Дмитрию, который присоединился ко мне. — Совершенно не такую, какой жила.

— Я хочу того же, так что желания совпадают, это значит – сбудутся, — тут же торжественно выдал Дима. — А теперь представь, — он подвёл меня к двери, за которой находился

зал большого ночного клуба. — Что вот это – дверь в будущее, о котором ты даже мечтать не смела.

— Сказочник, — усмехнулась я.

— Нет, — тихо ответил он. — Судьба сталкивает частицы, они взрываются, и получается отдельная вселенная.

— И болтун, — хихикнула я.

— Выпил потому что, — мужчина улыбнулся в ответ.

— И с тобой легко, — задумчиво рассуждала. — Это что-то значит.

— Добро пожаловать в новую жизнь, Сладкая булочка.

И он толкнул дверь.

В глаза ударил яркий свет, оглушила ритмичная музыка, и обвеял запах сладких духов, аромат еды и коктейлей, холодного тумана и, похоже, натуральной ели.

****

Дым-машины выпускали клубы густого дыма, в котором прыгала толпа. Яркими огнями сверкали и переливались стробоскопы, резали пространство острыми линиями лазерные лучи. Танцпол был заполнен людьми всех возрастов, зря я считала, что мне здесь не место, реально взрослые люди встречались. Двигались в такт музыке, как единое целое.

Бары все в огнях, как островки спокойствия в бушующем море вечеринки. Вдоль стен в несколько уровней столы и ложа. ВИП за зеркальными окнами.

Атмосфера праздника усиливалась благодаря ведущим и ди-джеям, которые поддерживали настроение – между ком-

позициями объявляли конкурсы и дарили подарки. Вот уж где каждый уголок пропитан радостью и ожиданием чуда.

Такие вечеринки почти каждую неделю, но вот ёлка, прямо настоящее произведение искусства, она подчеркивала атмосферу праздника и добавляла волшебства в эту особенную ночь. Елка бывает только в Новый год. Она большая, стояла не в центре зала, чуть ближе к лестнице, за ограждением и возвышалась над танцполом.

Ну, красавица! Высокая и стройная, украшенная множеством разноцветных гирлянд, которые мерцали и переливались всеми цветами радуги. Дождик и серпантин шевелились при каждом движение воздуха, и мне казалось, будто дерево буквально дышит светом. Шары разных размеров и форм: от классических до самых необычных, украшенных блестками и стразами, отражали свет так, будто сами излучали сияние. Сейчас так модно одномастно украшать ёлки, а тут, как дома – всё, что только нашли, нацепили на ветки. И была в этом своя прелесть.

И шар там был необыкновенный, крупный такой, голубой с сияющей снежинкой.

— Смотри, какой шар?! — чуть толкнула я локтем мужчину, и он нагнулся ко мне, чтобы выслушать.

— Где? — Дима перекрикивал музыку.

— Вон тот, самый крупный! Хочу себе такой, на люстру повешу.

— Люстра не оторвётся?

— Не думаю, что он тяжёлый.

Я заглянула в сообщения и, вытягивая шею, сориентировалась. Столик девчонок располагался недалеко от того места, где возвышалась ёлка. Музыка, звучащая вокруг, была такой живой и динамичной, что воздух пульсировал в такт ритмам, и я, подтанцовывала, таща за собой мужчину.

Три подруги, мрачные и унылые, уютно устроились за столиком в углу ночного клуба. Тут и поговорить не о чем, не услышишь, настолько громко играла музыка. Я улыбалась, а они нет. Ну, да…

Это я с блеском радости и предвкушения праздника в глазах, с лёгкий румянец на щеках и возбужденная на ожидание чудес.

Над Линкой, Иркой и Маринкой висела гирлянда из синих огоньков, окрашивая их трагичные лица в мертвецкий цвет. На столе перед девушками стояли высокие бокалы с искристым шампанским, из которого поднимались тонкие струйки пузырьков, словно крошечные звёзды, взмывающие вверх. Праздник!

Маринка выбрала элегантное платье глубокого изумрудного цвета, которое идеально гармонировало с её тёмными волосами и карими глазами и совершенно на ней не сидело. Она располневшая, расплывшаяся, и тонкая ткань это ярко подчёркивала. С кем оставила детей, неизвестно. Их у неё трое, и ещё в садик ходили.

Ирка предпочла яркое красное платье, которое подчёр-

кивало её белоснежную кожу и светлые локоны. Эта самая несчастная из нашей компании. Она пила два года. Муж отобрал сына, теперь она платит алименты и ездит по расписанию к ребёнку. Возможно, ей комфортно, она любит случайные связи. Я бы так не смогла.

Линка, как всегда, надела стильное чёрное платье с блестящей отделкой, добавив к образу эффектные серьги и браслеты. Обожала её. Она не только астрологией увлекалась, она сама как звёздочка. Небольшого роста, худенькая, вечная девчонка. Линка – моя одноклассница, с которой мы дружили очень давно. Иногда наши дороги расходились, но всегда подруга была рядом, только позови. В отличие от меня, она сменила четырёх мужей. А я всё так и зависла на одном мужике. А в этот вечер мы были одинаково несчастны.

Ну, я так думала ещё полчаса назад, хотя рядом со мной стоял мужчина и уже перевёл моё настроение в нужное русло.

Столик рассчитан на две пары. Ира и Лина должны были прийти с мужьями, но, как и я, остались в пролёте. Марина пришла уже на праздник не в себе, у неё тоже семейная ситуация не очень хорошая.

Я не понимала, как так получилось, и как мы дружненько так влетели в неприятности в основном семейные и любовного плана.

И самая главная неприятность во всём происходящем, что у нас возраст уже за сорок.

Дима Пирожок, который выглядел шикарно и даже импозантно, несмотря на неброскую одежду совершенно чёрного цвета, поздоровался. Водолазка красиво легла по фигуре. А фигура атлетическая, и это бросалось в глаза. В данный момент у девичьего столика, я понимала, что нахожусь немного в другом положении, в отличие от моих подруг.

Их явно это задело.

Музыка стихла, уже Новый год подступал, но Марина накатила и выдала громко, чтобы я услышала:

— Уже какого-то мужика себе подцепила.

Ирка тоже скептически отнеслась к моему появлению в обществе мужчины, оценила Диму взглядом. А там было что оценивать. И спокойно разлила шампанское, поставила нам один фужер.

Я не стала садиться за столик, потому что взгляды подруг были разочарованные и злые.

В этом клубе найти себе мужика на вечер, как Лина мечтала, может не получиться. Хотя миллениалы имеют невероятный интерес к женщинам за тридцать. Мы для них – милфы.

— Я сейчас подойду, — шепнул мне на ухо Дмитрий и отошёл в сторону, где растворился в толпе.

И тут я поняла, что он мог уйти навсегда… Или выполнить обещание. И я не села за столик, потому что верила: он вернётся.

— Лина, — обратилась я к своей самой близкой подруге.

— А ты что скажешь по этому поводу?

Растерянная и бледная Линка подняла на меня большие голубые глаза:

— Лад, а кто он по гороскопу?

— Не интересуюсь.

— Лада, тут на четверых стол рассчитан. Либо ты одна, либо просто некуда сесть, — фыркнула Ирка.

— Девушки, ваше здоровье! — появился Дима, и я облегчённо выдохнула.

В руке он держал фужер с шампанским.

— Пошли, — потащил меня за собой мужчина.

— С Новым годом! — сказала я подругам.

Опять на те же грабли, опять ради мужика я бросаю своих близких и подруг. Но хоть раз в жизни нужно делать то, что тебе нравится. Если в прошлом я делала всё, чтобы угодить Кренёву, то теперь я хотела угодить себе. И в том и другом случае – это не проводить с подругами вечер.

Я с Димой слушала куранты напротив ёлки, смотрела в его горячие глаза, отсчитывая время назад.

— С Новым годом! — ведущий кричал в микрофон.

— С Новым годом! — неслось со всех сторон.

Мы с мужчиной чокнулись фужерами, а потом приспособились, чтобы выпить шампанское на брудершафт.

— Желание загадала? — громко спросил он у меня.

— С кем встретила Новый год, с тем и проведу, — улыбнулась загадочно своему случайному знакомому, который с

каждой минутой становился мне близким.

Загорелись фейерверки, началось лазерное шоу с проекцией умопомрачительных пейзажей на потолке зала. Танцевали голограммы.

А мы праздновали.

Мой лев!

Лаунж-зона перед ВИП-комнатами была заполнена людьми. Местечко, для тех, кто хочет отдохнуть от ритмичной музыки танцпола и немного расслабиться. Хотя ритмы всё равно добрались и сюда. Лаунж-зона отличалась более приятной обстановкой, приглушенным светом и удобной мебелью, от дикого танцпола, и совершенной тишины ВИП-комнат.

Мягкие диваны, кресла, пуфы и подушки, теплый свет ламп.

За стеклом было хорошо видно зал и беснующихся людей. Рядом со мной стояла и покачивалась нетрезвая Ольга Николаевна, невестка Димы, жена Семёна Нос Картошка, который владел автоцентром. Она старше Семёна на девять лет… Это ещё не так было заметно, пока она не начала пить, теперь уже всё. Она плакала и жаловалась на нелёгкую женскую долю в замужестве с малолеткой. Так она своего мужа. За что? Могла бы упасть до его уровня и быть моложе, зачем его тянуть до театров, променада и вечеров Чехова? Возможно, они не сошлись характерами и мировоззрением изначально и дело вовсе не в возрасте. Но я уже не могла вникнуть в суть. Ольга Николаевна не попадала горлышком бутылки шампанского в мой фужер, я старалась ей помочь.

Как рядом со мной оказалась Лина, я в принципе не пом-

ню. Но именно она мне сказала что за Ирой приехал муж, а она ищет Марину.

— Венера перешла в Рыбы, да ещё в соединение с луной. Будет ретроградить.

— Да, вы что?! — ошарашенно прошептала Ольга Николаевна, подливая Лине.

— Нужно успеть влюбиться, потом влюблённость не принесёт надёжности.

— Ну, послушай меня. Давно хотела тебе сказать, — заплетающимся языком сказала я Лине. — Ведь со своим Серёжей у тебя была полная совместимость по гороскопу.

— Да, была, — честно призналась подруга, и глаза её были такие грустные в этот момент.

— Вот видишь. А что он с тобой делал? И ты терпела ради этого гороскопа.

— Да, терпела, — тонко простонала Лина и заплакала.

— Какой ужас, — всхлипнула Ольга Николаевна.

— А что с Виталиком. Такой хороший мужчина, как он любил тебя!

— Нет! — испугалась Лина. — Он не может быть хорошим, он скорпион.

— Ну, какой же он скорпион! — возмутилась я. — Лебедь нежный.

— Нет такого знака! — закричала мне в лицо Линка, перекрикивая приглушённую музыку и разговоры совершенно незнакомых людей. — Вот зачем ты так?

— Не всё зависит от гороскопа.

— Не указывай, как жить. Я между прочим…

— Нельзя гороскопы ставить выше человеческих чувств, и надо всё-таки присматриваться к людям хоть немного, а не к их дате рождения.

— Совершенно согласна, — Ольга Николаевна чокнулась бутылкой с моим фужером.

Родной, вполне даже любимый мужчина, невероятной красоты, обнял, будто женаты, и поцеловал в щёку.

— Вот, — Линка указала на нас пальцем. — Надо успеть влюбиться.

Сильные руки скользили по талии, они превращали меня в скромную и стеснительную девушку. Дело в том, что я вышла замуж и получается, что девятнадцать лет я своему мужчине не изменяла. То, что было до Михаила Александровича, осталось воспоминанием подростковой глупости. Поэтому стоять и обниматься с мужчиной, которого знала четыре часа, для меня просто всплеск эмоций и невероятность происходящего. В данный момент я будто изменяла своему мужу. И горячительные напитки не делали меня особо смелой, я с Димой общалась исключительно на своих внутренних ощущениях и на том состоянии, которое окутывало с некрепких ног до затуманенной головы.

Никогда не было так хорошо с другим человеком! Жмурясь от поцелуев в щёку, я улыбалась от удовольствия.

— Хочу уснуть с мужчиной в одной постели, — высказа-

лась я вслух.

— Ты хочешь спать? — внимательный и заботливый, Дима видимо, готов был устроить это немедленно.

— Нет, я хочу большой голубой шарик со снежинками.

— Хорошо, пошли, — кивнул Дима.

И, взяв меня за руку, потащил из лаундж-зоны обратно в зал.

Долбила музыка, мелькали огни, было даже прохладно. Мы ещё не спустились с лестницы, как я увидела Марину. Она зажигала среди молодёжи, бесстыже себя вела, размахивая своей сумочкой.

— Линка! — испуганно закричала я. — Посмотри, это наша Марина. Ты должна это прекратить!

— О, нет! — перепугалась Лина, закрыв рот ладонью, и рванула вниз и достаточно трезво, как лань, перескакивала через ступеньки. Спешила, чтобы вытащить нашу старую знакомую из неловкой ситуации.

Лина побежала туда, а я побежала совершенно в другую сторону, потому что Дима Пирожок, не спускаясь в зал, прошёл по небольшому балкону, остановился у ограждения, внимательно рассматривая полосу препятствий.

— Дима, нет! — закричала я, но было поздно.

Он полез добывать мне большой голубой шар с новогодний ёлки.

****

— Из-за шара?! — вот прямо с наездом вопрошал Дима

у охранника, который нас выкидывал из клуба. — Ваня в курсе?

— Дмитрий Васильевич…

— Димочка, — я потащила его на улицу, одной рукой пытаясь натянуть пальто. — Пошли.

— А шар?!

Остановилась, не сдерживая смех.

— Ну, куплю я себе такой шар, — сказала я мужчине, начала помогать ему надевать куртку. — Оденься, простынешь.

— Откуда ты такая прекрасная? — шептал он, с улыбкой меня рассматривая.

— Аналогичный вопрос у меня к тебе, — не совсем трезво, ответила я.

И было в этот момент так классно!

Холодная ночь. Где-то голоса людей, а здесь, у чёрного хода достаточно тихо.

Между нами повисла пауза, наполненная острым напряжением и сладким ожиданием. Наши взгляды встретились, и в воздухе словно засквозило электричество.

Его рука медленно поднялась и коснулась моей щеки, пальцы нежно скользнули по коже. Я почувствовала, как тепло его прикосновения растекается по всему телу. Его взгляд стал темнее и глубже, проникновеннее, и я поняла, что вот-вот случится нечто особенное.

Он придвинулся ближе, при этом мы покачивались, не со-

всем твёрдо стояли на ногах. Наши лица оказались всего в нескольких сантиметрах друг от друга. Я закрыла глаза, чувствуя, как его горячие губы приближаются к моим. Этот миг казался вечностью, полным предвкушения и желания. Он пробивался сквозь мутную завесу нетрезвости, и я неслась навстречу счастью, я просто… Рухнула на Диму и вцепилась в его губы жадным поцелуем.

Все мысли исчезли, остались только чувства – тёплая волна удовольствия, которая охватывала каждую клеточку моего тела, и пьяное желание любить.

Поцелуй становился всё более глубоким, и мы погрузились в эту невероятную игру. Шаг, другой, мы пиявками всосались друг в друга и куда-то двигались. Пока не столкнулись с группой молодых людей. Их движения были резкими, голоса — грубыми и вызывающими. Я же неловко наткнулась на кого-то, каблуком продавила кроссовку... Похоже, меня хотели ударить, но мужчина меня откинул за свою спину и принял удар на себя.

Димка такой невероятный! Защитник! Его лицо моментом исказилось злобной ухмылкой, а глаза заблестели от возбуждения.

— Руки не распускай! — рявкнул он на парня, который расплывался у меня перед глазами.

Парень рассмеялся, его друзья тоже присоединились к веселью. Но смех вдруг оборвался, сменившись угрожающими взглядами.

— Ты чего такой дерзкий? — прорычала компашка, подходя ближе.

Один из парней сделал шаг вперёд, толкая Диму в грудь. Тот потерял равновесие и чуть было не упал. Парни засмеялись, но смех тут же перешёл в злость, когда мой кавалер ударил одного из них кулаком в челюсть.

Всё произошло очень быстро, я как-то осознала, что их много, нас двое… Остальные парни набросились на Димку, пытаясь сбить с ног ударами.

Я закричала, привлекая внимание других компаний, которые тусовались по округе. В отчаянии бросилась в драку, пытаясь вырвать своего мужчину из этой схватки, но меня грубо оттолкнули, и я улетела в сугроб.

Немного посидев в снегу, ухватилась за предложенную женскую руку. Это вышла к нам Ольга Николаевна. У неё уже не было причёски, волосы распущены, на плечах шубка.

— Как дети! Вот к чему такое поведение? Вам же за сорок уже.

— Это как-то влияет?

— Вообще-то должно, — поморщилась дама.

— Дима, — я поднялась и побежала к нему.

Как лев! Охранники боялись подойти. Огрёб молодняк похоже.

— Ну, Дмитрий Васильевич, — в негодовании протянул уравновешенный большой охранник. — Давайте уже в такси.

Я считаю, что иногда полезно вот так расслабиться. В су-

мочке нашла влажную салфетку и вытерла кровоподтек не его героическом лице.

— Лев, мой лев, — повторяла я. — Так меня не защищали с университета. Правда, я и не напивалась так.

А мне тепло, и пальто не надо застёгивать. Кровь бегала, кипела и пульсировала. Адреналин похоже зашкаливал. Я никак не могла сконцентрироваться на том, что происходило, немного нарушена координации движений. Но надёжные мужские руки держали, я им полностью доверяла. Дима меня поддерживал и куда-то вёл.

— Мой лев, — заворожённо повторяла я, помнимая даже после такого праздника, что влюбилась и никогда не забуду эту историю.

Способность контролировать движения тела я не утратила, но походка была шаткой. И поверхностный сон привёл к тому, что я не поняла, куда мы ехали и как вообще в такси оказались. Эйфория никуда не делась. Я немного похлопала себя по щекам и вдохнула полной грудью.

Мы с Димой на заднем сиденье сидели, а впереди, рядом с водителем, тот самый врач, который меня на капот машины усаживал. Высокий, худощавый, с длинным острым носом. Поворачивался к нам и спорил с моим спутником.

— Алкоголь снижает критическое мышление и способность принимать рациональные решения, — сказал врач. — Настроение может резко меняться от веселья и радости до грусти, раздражительности или даже агрессии. Последнее от

тебя никто не ожидал.

— Это была самозащита, — спокойно ответил Дима.

— Господа, — прервала я их разговор, глядя в окно автомобиля, где проносился гудящий в празднике ночной город. — А куда мы едем?

— Во врачевальню, — усмехнулся врач.

— В больницу? — искренне удивилась я.

Дима после драки особо не пострадал, кровь из носа больше не текла. Не думала, что ему нужна помощь профессионала.

— Да, ко мне на работу. Можно сказать, в гости.

Алексей, судя по всему тоже Васильевич, отвернулся и сел прямо.

— А какой вы врач? — поинтересовалась я.

— Трогает все и вставляет везде – страшный доктор, — посмеялся Дима.

— Патологоанатом, — ответил Алексей.

****

Кабинет доктора Серова Алексея Васильевича был не таким шикарным, как ординаторская, где мы с его коллегами играли в карты на раздевание. Кабинет был просторным, с большими окнами, через которые было видно, как запускали фейерверки. Отблески скользили по стенам, с оттенком, напоминающим цвет слоновой кости, что местами терялся в темноте и был серым.

Стояли деревянные столы, на одном из котором аккуратно

разложены столовые приборы и бутылки. На другом находилась старинная лампа с абажуром, излучающая мягкий золотистый свет, что освещал наши карты. Видеть их не могла, потому что сидела, прижавшись к Диме в одном халатике. Доигралась в дурака! Прикрыли, и на том спасибо. Просто я продула в дребезги почти сразу, как собственно и Алексей Васильевич с его помощницей. Он сидел в одних трусах. А основная битва продолжалась между Надеждой Ивановной и моим Димочкой, который только по пояс разделся в этой ожесточённой борьбе.

А на стенах висела большая картина с изображением осеннего леса. Рядом с ней располагались полки с медицинскими справочниками и журналами, а также несколько дипломов и сертификатов, подтверждающих квалификацию доктора Мусатовой.

У окна стоял удобный кожаный диван, на котором спал ещё один врач, он дежурный, совершенно трезвый, пока отдыхал.

Доктор Надежда Ивановна была женщиной средних лет, с седыми прядями, изумительно вплетающихся в густые каштановые волосы. Её лицо отличалось мягкими чертами, на которых отражался многолетний опыт и мудрость. Глубокие глаза цвета тёмного янтаря смотрели внимательно и проницательно на карты.

— И что же вы, Димочка, к концу игры думаете? — чуть растягивая слова, сказала Надежда Ивановна. Её голос был

мягким и успокаивающим

— Что я выведу в ничью, — усмехнулся Дима.

Я, как мартовская кошка, льнула к нему, а солидный мужчина, не отрывая взгляда от своих карт, иногда меня целовал в губы, которые я тянула. Вкусный мужчина! Обожала!

— То есть начал запоминать карты.

— А то! — хмыкнул Дима. — Ты опасная женщина. Я вот уверен, что новые серьги отыграны у шулеров в каком-нибудь захолустном кабаке.

— Как говорит мой внук, я навджобила, — спокойно ответила врач.

— Туженица наша.

Надежда Ивановна подняла на него строгий взгляд, проехалась по его смуглому очень крепкому торсу.

— По тебе нынче анатомию можно изучать, Пирожок. Ты спортом занялся. На зарядку не опоздаешь?

— Утром я хочу убивать, а не зарядку. Шучу! Сдавайся, женщина-врач, я теперь не дам выиграть.

— Ты пей.

— Не пью больше.

— Это даже звучит как-то матерно, — прошептал Алексей, закусывая и выпивая вместе с медсестрой.

Эта ситуация была такой же абсурдной, как и весь мой вечер. Весёлая, незабываемая новогодняя ночь. С трудом оторвалась от мужчины, его рука проехалась по моей спине, и я улыбнулась ему устало и сонно. Что-то волнующе и трепет-

ное на душе.

Взяла свои вещи, чтобы одеться. Немного стеснялась наготы перед незнакомыми людьми, утешала себя, что они врачи.

Одевалась и смотрела в окно. Меня клонило в сон. Взяла пальто и сумочку, не сказав ни слова, вышла из кабинета. В больничном коридоре первого этажа было спокойно и тихо. Никуда не хотелось идти, и я села на каталку, которая стояла недалеко от двери. А потом и вовсе прилегла на неё.

Сон накатывал, голову немного кружило. Через какое-то время ко мне лёг Дима и обнял. Стало невероятно тепло и уютно. Он укрыл меня одеялом.

Охватило странное чувство — смесь скромности и восхищения. Я смотрела ему в глаза. Что-то в нём было особенное, магнетическое. Дима казался мне воплощением силы и уверенности, и это притягивало.

«Он великолепен», — подумала я.

Укачивало, мелькали огни.

— Куда нас везут? — сонно прошептала я.

— Доктор сказал в морг, значит в морг, — услышала я грубый голос медбрата.

— А ты не бухала с врачами? — шептал Дима. — Они заботливо вывозят своих друзей подальше, у них с утра обходы и приемы. Не надо, чтобы мы светились. Я как первый раз с ними побухал, с тех пор седой.

Насколько эта история может меня скомпрометировать,

я не знала. Не могла избавиться от мысли: «Лишь бы этот позор не повлиял на карьеру».

Сейчас работа значила многое. Я вложила столько сил и времени в построение карьеры, что даже мысль о том, что одна ночь может поставить под угрозу достижения, вызывала тревогу.

Но и без личной жизни нельзя. Важно сохранять баланс. Ведь без отдыха и радости жизнь теряет свой вкус.

Я загонялась. Ещё день назад я была вот прямо в депрессии. И сейчас в депрессии. А эта ночь мне приснилась, тем более я толком её и не помнила.

И страшно от того, что мёрзла даже под шерстяным одеялом. Спала и вот проснулась.

Прошедшую ночь я начала вспоминать урывками… Я что-то наделала?!

****

— Всё. Пошли давай, — шептал какой-то мужчина, стараясь аккуратно снять меня с каталки.

Я оглядывалась по сторонам, и сердце дрожало от догадок…

— Боже, — пискнула я.

— Да, морг, — шептал незнакомец. — Не разбудишь, но кричать не надо.

— Похоже, я выбила флэш-рояль этой ночью, — заныла, убегая из ледяного помещения, где на каталках спали вечным сном покойники.

Я старалась не смотреть, я старалась не дышать… Меня всё равно вывернуло наружу, когда мы выбежали на улицу через узкую дверь.

— Да, это было жестоко, — смеялся мужчина. — Побежали, Булочка. На улице морозно.

Трясло меня, конечно, серьёзно. Я зябко обняла плечи, дрожа от холода. Тонкое, светло-серое пальто, не рассчитанное на прогулки в трескучей мороз, не застёгивалось, а запахивалось, после этой ночи, пуговиц явно не хватало. Одна улица сменяла другую, фонари, никаких прохожих. Одиноко промчалась какая-то машина. Где-то вдалеке ездили такси.

В голове какой-то бред, вообще думать не хотелось, а хотелось смеяться, что я и делала.

— О, матушки! Дубак-то какой!

Хотела сказать ласково, но получилось хрипло. Неудивительно, что я скрипела и дребезжала. Как я вообще выжила после такой гулянки?!

Мужчина, идущий рядом, меня обнял, прижал к себе. Он тоже ёжился от холода, кутался в своей кожаной куртке на коричневом меху, так удачно подходящему к его горячим карим глазам. Смеялся. Я смеялась в ответ без причины, говорить было нечего. Оторвались, так оторвались.

— У меня была шапка, — вспомнила я, поправляя ремешок сумочки на плече, когда оказались мы у пруда и невысокого ограждения.

Нет, не здесь я была, просто пруд похож… Я над ним сто-

яла и рыдала от жалости к себе.

— Потеряла? Не мудрено, — мужчина опять посмеялся.

Не могу сказать, что от него веяло перегаром, скорее ароматом прошедшего веселья, которое запечатлелось в памяти урывками.

Быстро двигались по тротуару, топча обрывки мишуры и пустые втулки из-под хлопушек. Повсюду лежали остатки новогодних украшений – смятые бумажные снежинки, яркие конфетти, потускневшие гирлянды, растянутым валялся разноцветный серпантин. В воздухе витал слабый запах хвои и дыма от фейерверков, которые продолжали взрываться до самого утра и совсем недавно стихли окончательно.

— Куда идём? — поинтересовалась я.

— Сейчас хоть какое-то заведение найдём, чтобы согреться, — он зарычал, будто зверь, от холода и от желания окончательно протрезветь.

Я покосилась на своего спутника.

Красивый, кстати, мужчина. Спина прямая, плечи расправлены. Вот это стать! Чуть выше меня, а я на каблуках.

Ну… Неплохо, хочу заметить. Мне даже не стыдно, что бухала вот с таким.

— Давай догадаюсь, о чём думаешь, красота моя ненаглядная, — голос его звучал мягко, бархатно, с легкой хрипотцой, которая добавляла шарм каждому слову.

И я млела. Офигенный, балдёжный и походу влюблённый. Как ещё-то этот взгляд расшифровать. И от этого легко и

невероятно радостно.

Может не всё так плохо в моей жизни! Всё время хотелось смеяться, до такой степени поднялось моё настроение.

— Вспомнила моё имя? Хотя вряд ли.

— Что значит "вряд ли"? Я не такая! Что... Реально? Такое впечатление о себе оставила? — заныла я, широко улыбаясь.

Холодный ветер шептал что-то на ухо, когда я шагала, глядя на заснеженные улицы города, и эти тёплые, крепкий объятия пьянили. Его руки нежно обвили талию, а губы коснулись шеи, оставляя за собой дрожание и трепет уже не от холода. Человеческое тепло совсем рядом, интимная близость и всякое такое. И я даже глаза прикрыла от удовольствия. Холод снаружи больше не имел значения; внутри меня разливалось тепло, словно от горящего костра. Не сбивая шаг, повернулась к нему лицом. Взгляды, как два фужера встретились, ударились друг об друга, и пролилось вино необычных чувств. А глаза светились, отражая все те эмоции, которые испытывали – восторг, веселье и счастье. Да-да, именно счастье! Может быть, что это тот самый человек, которого я ждала так давно?

— Незнакомец, будь рядом со мной даже в самые холодные дни, — прошептала я, и мужчина притянул меня ещё ближе.

— Прямо сказка зимняя, как я пошёл свою принцессу искать.

— С хрустальной туфелькой?

— Ну, не с гробом хрустальным точно. Была туфелька. Ты забыла моё имя.

— Забыла. Каюсь. Но сейчас вспомню, просто от того, где мы проснулись, от всего происходящего не совсем могу сконцентрироваться.

— А я твоё не забыл. Лада, сорок лет, в разводе, дочь совершеннолетняя.

Я бы могла ещё добавить, что я теперь бабушка, и у меня есть внучка, но, кажется, я и так слишком много сказала мужчине, которого не знала.

Нахмурилась, приподняв одну бровь:

— А там, в морге… Ну, где мы проснулись, у нас ничего с тобой не было?

— Ты о чём, распутница? — хитро нахмурился он, не показав, что шутит. — Мы так глубоко не изучали вопрос игры в карты на раздевание.

— Мы играли на раздевание, поэтому я шиворот навыворот лифчик надела… Он мне давит.

— Ничего, можешь снять, — рассмеялся Дима.

— Вспомнила! — закричала я. — Дима, сорок семь лет и почему-то Пирожок!

— А ты Булка! Сладкая Булка! — крикнул на всю пустынную улицу.

****

Дима выпрямился, протянул руку с открытой ладонью. Замер, как памятник Ленину, вызвав у меня очередную вол-

ну смеха. Он забавный… И добрый! Последние на какой-то женской интуиции определено. С ним можно не только зажечь, я вот уверена, что это ещё и надёжный человек.

— И? — громко спросила я у него. — Что это за мимоуказатель?

— Смотри, женщина! — торжественно объявил он. — У нас есть пристанище!

И я проследила за его жестом, обнаружив открытое в шесть часов утра кафе.

— О, Дмитрий Пирожок мой, это чудесно!

Продолжая зябко кутаться в своё тонкое пальтишко, я посеменила на каблуках в сторону кафе.

— Мужчина не отставай, — кричала на бегу Диме. — Поторопись!

Он догнал меня и опять прижал к себе, стало достаточно тепло и приятно на душе.

Тёмное утро окутывало город плотным покрывалом тишины. Снег, выпавший ночью, лежал мягким пушистым ковром, покрывая крыши домов, тротуары и дороги. Пару припаркованных машин у кафе, и мы, спешащие на свет.

На углу одной из улиц, среди закрытых магазинов и офисов, мерцали несколько окон, источающие уютный свет. Это было маленькое кафе, единственное место, где жизнь кипела даже в столь ранний час после убойного праздника. И мы с Димой забежали быстро туда, с трудом перестав смеяться.

Внутри спокойствие и тепло, так что я даже чуть просто-

нала.

— Как ты сладко стонешь, — усмехнулся мой спутник. — За это я куплю тебе шикарный завтрак.

— Да, я с удовольствием поем, — кивнула я и огляделась по сторонам.

Хороший Пирожок, зашёл мне. Отошёл в сторону, чтобы поговорить с барменом.

А мой взгляд врезался в спину высокого мужчины, который забирал у официантки еду в коробках и два стакана с кофе.

Выглядел мой бывший муж идеально, уже собрался в офис. Михаил Александрович Кренёв был трезв, и никаких признаков празднования Нового года не было: ни на одежде, ни на морщинистом лице. Бывший забрал свой заказ, повернулся и встал, как вкопанный, врос дорогими ботинками в пол, с удивлением уставившись на меня.

Я же смотрела на него с некоторым страхом.

Лысина, хмурый взгляд высокомерный и пробирающий до костей, поджатые в недовольстве узкие губы на идеально выбритом лице. Он сделал операцию, вернув себе зрение, но привычка поправлять очки осталась. Он, кстати, очки и носил иногда, с простыми стёклами.

— Лада… Что за вид? — тихо поинтересовался он.

Ни здрасти, ни до свидания. Как будто я вывалилась из его кармана, чутка помявшись.

Ничего! Кроме упрёков и претензий от него ждать не сто-

ило.

Я не знаю, почему женщины испытывают неловкость перед бывшими за свой вид, за то, что находятся рядом с другими мужчинами. Ведь есть девушки, которые мечтают отомстить и показать: вот как я хорошо живу без тебя, мне вообще замечательно! Но я не из их числа, мне очень неприятно видеть его строгий взгляд, который окидывал мой жалкий вид.

Колготки капроновые чутка порваны, грязные высокие сапоги, помято пальто без пуговиц.

Он старше меня всего лишь на шесть лет, а, казалось, это мой адский дедушка, который может выпороть.

Резко отвернулась от Михаила Александровича, боясь даже сделать вдох, от его взгляда с укоризной, от его злобой пропитанного сурового лица.

Я посмотрела в зеркало, висящее на стене. Увидела себя со стороны и обалдела.

Очень сильно похудела за последнее время. После развода взяла себя в руки, ушла в спорт, в диеты, в разного вида процедуры, какие только могла найти.

Мои белокурые локоны лежали ниже плеч. Я стройна и хороша собой, лицо с мороза румяное, смазавшаяся тушь придавала мне воинственный, бунтарский вид.

Свобода и красота!

— Я подвезу тебя. Даже не думай сопротивляться.

— Это что-то на самодержавном, — усмехнулась и смело

посмотрела ему в глаза.

Дима Пирожок был очень занят – заказывал нам завтрак, разговаривал с барменом, изучал меню. А он мог помочь мне не пропасть.

— Я свободная, независимая женщина, — прошептала я бывшему и красиво улыбнулась.

И тут он использовал тяжёлую артиллерию – улыбнулся в ответ. Кренёв так редко бывал мягким, что когда это наступало, я хотела рыдать от счастья. Как в этот момент от его доброй ухмылки.

О, радость! Господин меня тоже любит!

Это же рабство… Как очнуться?

Бывали моменты, когда я мечтала сбежать, начать новую жизнь вдали от этого давления. Но страх перед неизвестностью останавливал меня. Без Михаила я чувствовала себя потерянной и неуверенной. Ведь столько лет прожито вместе, столько всего пережито… А вдруг там, за этими стенами, будет ещё хуже?

Иногда я ловила себя на мысли, что, возможно, я сама создала этот замкнутый круг. Что если бы я была сильнее, решительнее, может быть, всё сложилось иначе? Но сейчас эти размышления казались бесполезными. Осталось лишь смириться и продолжать жить, надеясь, что однажды всё изменится. А пока ничего не изменилось. Кренёв, скинув свои коробки на один локоть, мягко и нежно взял меня за руку…

Он вывел меня из кафе на улицу… И я покорно шла за ним.

Прощай, мой лев.

Ищем силу воли

— Я понимаю, Лада, но у тебя дочь и маленькая внучка сейчас одни, — гипнотический голос Миши, уводил меня в «загон», где я послушной овечкой буду жевать его сено и слушать только его.

— Они не одни, они с мамой, — отозвалась я.

— Маму твою я поздравил.

Просто чудовища жалят исподтишка, а так могут выглядеть для окружающих даже безопасными. Маму он мою поздравил, которую ненавидит.

— Лада, у тебя такая должность, — прошептал Миша. — Давай, я подвезу тебя.

Я ослабла, без воли и без сил, возможности сопротивляться, шла за ним. Пропадала и мучилась. Бывает такое, к сожалению, и у мужчин и у женщин, когда ты не можешь сопротивляться человеку, к которому привязан, с которым долго прожил, и испытываешь какие-то чувства. Возможно это нежелание что-либо менять. Мы уже в разводе семь месяцев, а я всё никак не могла вырваться из его цепких когтей.

И до сих пор больно.

— Как ты мог променять меня, на эту дрянь?

Он вёл меня за руку нежно, красиво, будто мы с ним женаты, и он любящий и заботливый муж. Каким-то когда-то был, а сейчас нет.

Не могла сопротивляться, это сильнее меня. Вышли в морозное утро, Миша подвёл меня к машине,

которую я и не узнала, возможно, потому что в новогоднюю ночь она была разукрашена снежинками. Открыл мне заднюю дверь, и я села в дорогой салон его служебной машины. Бывший муж приютился рядом, один стакан кофе и пачку пирожных положил на переднее сиденье.

— Это тебе, Слава.

— Спасибо, Михаил Александрович, — пробасил молодой водитель. — С Новым годом, Владислава Ивановна.

— С Новым годом, Слава, — безжизненным, пустым голосом отозвалась я.

Водитель повез нас по тихим просыпающимся улицам города.

— Будешь кофе? — спросил бывший муж.

— Нет, — ответила я. — Думала ты празднуешь со своей, — вздохнула и отвернулась, глядя в окно.

— У нас работа, милая. Не во всех странах празднуют Новый год с таким размахом. Вчера и сегодня переговоры. Ладушка, извини, что отказал тебе во встрече.

— А если бы не так с работой обстояли дела? Миша, кого бы ты выбрал? Нас с Сонечкой и Полечкой или свою потрёпанную женщину?

— Насчёт потрёпанных женщин, — кашлянул Михаил Александрович, неоднозначно покосившись на меня и оце-

нив мой внешний вид. — Это был твой любовник?

— Да, — соврала я, зная, как сильно бывший ревнив.

— И как после этого относиться к тебе, Лада? — голос размеренный, но давящий. — Ты отобрала у меня дочь и внучку.

— Нет, это неправда! — нахмурилась я.

— Правда. Я бы выбрал вас троих в Новогоднюю ночь, вот мой ответ. Но ты ждала меня одна, отправив детей к своей маме. Дочь не хочет меня видеть и не хочет показывать мне ребёнка. Зачем настраивать девочку против собственного отца?

— Тварь, какая же ты ядовитая зараза, Кренёв, — шептала я, накатывали горькие слёзы. — А может ты не отец, — пришла мне в голову гениальная идея. — Ты же не делал тест на отцовство.

— Делал, — ответил Михаил Александрович, и я скривилась всем лицом.

— Что ещё от тебя ждать, — вздохнула я. — Останови машину, я выйду.

— Я хочу, чтобы мой день прошёл спокойно, — он поправил своё пальто, — я не должен волноваться. Поэтому довезу тебя до дома и поеду по своим делам. Если ты хочешь наладить со мной отношения, попроси Соню, чтобы она позвонила мне и поговорила со мной. Нормально поговорила. Я хочу, чтобы моя дочь обратно приняла меня, и мне важно видеть свою внучку.

— Жучку, бабку и дедку, — закончила я.

— Не паясничай, ты уже взрослая сорокалетняя женщина. Хватит строить из себя девчонку, это выглядит омерзительно.

— Ну да, это только тридцатилетним продажным бабам можно.

Я с отвращением вспомнила его любовницу, с печатью порока на лице, натянутую, меркантильную.

— Мисенька-Мисенька, — писклявым голоском протянула я, — где твоя писенька…

— Замолчи! — грозно рявкнул Михаил Александрович и прожёг меня невыносимым , страшным взглядом. — Виктория профессионал. В свои тридцать добилась очень многого. С такой женщиной, как она, не страшно и во славе и в разрухе. А ты сидела на шее.

— Это не так, — с обидой прошептала я. — Ты не давал работать!

— Потому что за всё, за что ты бралась, не имело успеха.

— Я… Я старалась. Я посвятила молодость тебе и ребёнку.

— Попрекнула Соню ни раз, что она забрала твою молодость?

— Нет!

— Я помогал и помогаю, но вечно жить за чужой счёт…

— Я работала! Ты просил, я устроилась на работу. Но тебя это не удовлетворяло: ты ревновал, тебе не нравилась зар-

плата. Ты делал всё, чтобы я уволилась и через некоторое время начинал пилить, что не работаю. И я опять устраивалась на работу! И опять оказывалась во всём виновата.

— Ты ещё год назад была похожа на домашнюю свинью, которая жрёт мои финансы. Ты ни работать, ни зарабатывать, ни нормально ребёнком заниматься, не могла. Я не прощу тебе, что Соня так рано забеременела. И твоя мать – полная, омерзительная свиноматка, которая отговорила девочку от аборта.

— Ненавижу, — в ужасе прошептала я.

— Взаимно, но с дочерью я всё равно поговорю.

Машина остановилась. Я быстро открыла дверь и выскочила наружу.

Невозможно дышать!

Что нового он сказал мне? Этот разговор уже был, мы гоняем обиды по кругу, уже не в первый раз! И я в любом случае его хочу.

Жертва абьюзера…

Я оглянулась вслед уезжающей машине. Я хочу от этого избавиться? Да?! Тогда почему я устроилась к нему на работу? Почему я позволяю себя увести из кафе…

Возвращаться в кафе уже не имело смысла. Далековато увёз меня змей. И я сама села к нему в машину.

Дима Пирожок был интересным, красивым… Уже потерян. Спасательный круг, который я прошляпила.

Нужно было отвернуться в тот момент, когда я узнала

Кренёва. Побежать к Диме и возможно спрятаться за ним.

Я дала слабину, но это последний раз.

Кренёв, ты чёртов манипулятор, абьюзер и просто сволочь, сбил меня с панталыку и испортил мне жизнь.

А может и к лучшему. Каково прекрасному мужчине видеть, как меня другой уводит? Чтобы начать новую жизнь, надо самой обновиться. Надо утвердиться и найти в себе силу воли.

Я куталась в своё пальто и шагала дальше, время от времени подтягивая сумочку на плечо.

Мама мне говорила, она предупреждала. Линка советовала психолога. А я… Я тренера нашла и скидывала вес, ходила в салоны красоты и делала всё, чтобы вернуть мужа.

Какая я дура! Мой истеричный смех сотрясал морозный воздух. Слёзы текли, я просто убита в этот момент была. Вот прямо размазана. Хорошо, что до квартиры недалёко оставалось.

Избавление от власти Миши будет сложным процессом, который потребует осознанности, поддержки и решимости. Осознать вроде получилось. Вот теперь точно! За поддержкой к маме. Определю для себя четкие границы, которые нельзя нарушать. Буду учиться говорить "нет" и отстаивать свои интересы. Это поможет вернуть контроль над своей жизнью. И, конечно, как бы мне хорошо не платили, я увольняюсь. Нельзя с ним видеться. Или свести общение к минимуму. А для этого себя терять больше нельзя.

Я шла по заснеженной улице, воздух свеж и морозен, снег хрустел под ногами. Вокруг тишина, высокие фонари освещали путь. Подходя к своему подъезду, я заметила знакомую фигуру — это моя подруга. Она стояла возле двери, улыбалась и махала рукой.

— Привет, Лина! Давно не виделись. А Кренёв мне жизнь испортил, — сквозь слёзы, крикнула я, подходя ближе

— Не новость! — ежилась на холоде Лина. — Решила зайти к тебе на ночь глядя. Надеюсь, не помешала?

— Утро, Лин!

Мы посмеялись, и я пригласила её в свой подъезд.

— Мне нужна поддержка. Я зависима от этого мужика, — жаловалась я.

— А я говорила.

— Это полный кошмар, Лина!

И тут я поняла, что рада просветлению! Я будто проснулась, очнулась в новой жизни.

— Я же свободна! — осенило меня.

— Полностью, — Линка шмыгнула носом. — Маринку домой отвезла, детям сдала.

— Я буду работать над собой, развиваться личностно и профессионально. А может… Я ведь могу заняться тем, о чём мечтала всю жизнь. Шить или готовить. Как?

— Правильно, — Лина кивала с одобрением. — Это поможет стать более уверенной и независимой. А то запёрлась, как последняя лохушка, к бывшему и его любовнице в офис,

и спрашивает: почему мне успокоительные не помогают.

— Спасибо за лохушку.

— Пожалуйста. Тебе с мамой надо поговорить.

— Да, — я остановилась на лестничной площадке, глядя на дверь квартиры, которая мне не принадлежала.

— Ладка, не обвиняй себя в том, что произошло. Таких добрых, как ты, ещё поискать. Вот твой Мишенька и воспользовался. Будь терпелива к себе.

— А поехали к моей маме, — предложила я, глядя на подругу. — Соню с Полиной заберём как раз.

— А поспать?

— Точно, надо поспать, — согласилась я. — А после обеда к ним.

— С удовольствием.

****

Зимняя сказка кругом!

Летели с Линкой по заснеженной дороге, окруженной величественными соснами и елями, у которых ветви прогибались под тяжестью пушистого снега. Время от времени с веток срывался снег, рассыпаясь серебристой пылью в морозном воздухе.

Тихая музыка из динамиков автомобиля ласкала слух.

Я сидела за рулем, мои руки уверенно лежали на руле, не дрожали. Вообще великолепно себя чувствовала после весёлой вечеринки. И даже уверенно, при том, что краситься и переодеваться с Линкой не стали. Как есть в родной городок.

— Знаешь, — нарушила я уютную тишину. — Этот Дима с новогодней вечеринки… Он покоя мне не даёт.

— Естественно. Ночь провела, а потом прямо из-под носа с другим слиняла.

— Прекрати! — расстроилась я.

— Не волнуйся, найдёшь.

— Я кажется, влюбилась.

Подруга повернулась ко мне, в ее глазах загорелся интерес.

— Так ты уже определись? А по гороскопу... Молчу-молчу.

Я вздохнула, на мгновение прикрывая глаза.

— Он был... особенным. Мы так интересно время провели, смеялись, в карты на раздевание играли. В морге спали.

Линка заливалась смехом, а я сама в себе от сладких воспоминаний.

— У него такие руки! Запах его мягкий, глаза горячие. И добрый он. Так устала от злобы и ненависти, Лин. Ну, совсем плохо, когда каждый тебя подавить желает.

— Это так, — согласилась подруга.

— Казалось, мы знаем друг друга целую вечность.

— И что дальше?

— А дальше... — я замолкла, чувствуя, как к горлу подкатывает ком. — Дальше я совершила глупость. Я не взяла его номер телефона.

— Что?! — воскликнула подруга. — Как же так? Хотя…

Карты на раздевание, не до этого, конечно.

Под её хихиканье оставалось только пожать плечами, не отрывая взгляда от дороги.

— Сама не знаю. Может, боялась спугнуть волшебство момента. А может, была слишком уверена, что судьба снова сведет нас вместе.

— А вот здесь ты права. Чему суждено сучиться, от тебя не увильнёт. Я вот посмотрела твою натальную карту…

— Не надо, пожалуйста.

— Ладно, замолкаю.

Мы на минуту погрузились в молчание.

Солнечные лучи пробивались сквозь кружевной узор заиндевевших веток, играли на лобовом стекле. Казалось, будто мы попали в хрустальный дворец, настолько великолепно вокруг. И возможно от этого разговор был наполнен позитивом и радужными надеждами.

— Знаешь, — наконец произнесла подруга. — Вы обязательно встретитесь снова. У тебя такой взгляд мечтательный. — Она приласкалась ко мне и посмеялась. — Румяная, красивая. Точно влюбилась! Давай змея твоего задушим?

Я кивнула, чувствуя, как на душе становится легче.

— Я уже душу. Я справлюсь с бывшим мужем, обещаю тебе. А вот Диму потеряла.

— В клуб можно вернуться, в морг в конце концов.

Мы дружно рассмеялись.

— Я знаю его брата. И точно больницу запомнила. Ничего

не потеряно.

— Согласна. В нашем мире ни спрятаться, ни скрыться, так что однозначно.

Мы продолжили наш путь по зимней дороге. Медленно въезжали в знакомый до боли городок. Зимнее солнце мягко освещало заснеженные улицы, такие тихие по сравнению с мегаполисом. Маленькие домики, укутанные в белые снежные шубы, приветливо подмигивали нам освещенными гирляндами в окнах. И какой-то восторг душу наполнял.

— Смотри! — растроганно крикнула Линка. — Качели наши восстановили! Десять лет здесь не была.

Я чаще бывала здесь, но с осени не появлялась. Дело в том, что у меня четыре старшие сестры и мать… Мягко сказать харизматичные, боевые женщины. А по правде – они меня подавляли круче, чем Кренёв.

Лина улыбалась, ее глаза блестели от нахлынувших воспоминаний.

Каждый поворот, каждый дом здесь хранили свою историю. Вот школа, где мы учились, сейчас она выглядела такой маленькой. А вот магазинчик, куда мы бегали за мороженым жарким летом. А там речка, где Линкин дед варил раков.

Проезжая мимо старого парка, мы замедлились. Новый район остался в стороне, а мы в частный сектор. Там всё родное до приятного щемления на сердце.

— Переполняют эмоции! — крикнула Линка. — Лад, А?! Здесь мы выросли, здесь сформировались наши характеры и

мечты.

— И натальная карта

— Не стебись.

Я улыбалась, медленно проезжая по знакомым улицам, и чувствовала, как тепло разливается в груди. Мы дома, в месте, где началась наша история. И сейчас, в этот зимний день, мы невероятно счастливы вновь ощутить эту связь с нашими корнями, с нашей малой родиной.

Солнце садилось, когда я припарковалась у знакомого забора.

Вздохнув, я вышла из машины. Морозный воздух мгновенно обжёг щеки. Снег хрустел под ногами, напоминая звук из детства. Я обошла свою машинку, чтобы в багажнике забрать пакеты с подарками для детей.

Вдыхая знакомый запах дыма из печных труб и свежести зимнего леса, Линка встала изваянием:

— Как же здесь хорошо.

Похоже, у неё на глаза наворачивались слезы счастья.

Я с пакетами наперевес прошла к родительскому дому, утопающему в сугробах.

Выкрашенный штакетник выглядывал из-под снежных шапок. Видно, что за забором следили: ни одной покосившейся доски. Дорожка к дому расчищена, посыпана песком, явно работа заботливых рук. Заснеженные кусты сирени и жасмина, сараюшки новенькие. Дом приятного жёлтого цвета, выглядел, как пряничный домик из зимней сказки – ухо-

женный, добротный, излучающий тепло и уют даже снаружи. Крыша аккуратно очищена от снега, а из трубы вился дымок, обещая тепло и уют внутри. На крыльце новые перила крепкие, основательные.

— Ух, ты! Мамин ухажер постарался, — прошептала я.

— Что? — ошарашенно выдохнула Линка, разглядывая крыльцо. — Маме ведь твоей семьдесят.

— Семьдесят два, а ему шестьдесят два, — прошептала по-секрету. —Николай Петрович, бывший строитель, теперь на пенсии, но руки у него по-прежнему золотые. Он появился в жизни мамы пару лет назад, и с тех пор дом буквально преобразился.

Даже стучать не стала. Дом большой, и семья здесь чаще всего собиралась не слабая, двери не закрывали, и могли стук не услышать.

Вошли в сени, потом в сам дом, оказались сразу на кухне. Но со временем кухня расширилась, так что было место для шкафа-купе, который выполнял роль гардероба. Рядом на стульчике стояла красная люлька-переноска от коляски. Это моей внученьки! И на сердце сразу хорошо стало.

Встречать вышла мама, а за ее спиной стоял улыбающийся Николай Петрович.

Мама в свои семьдесят с сединой, в теле, но ещё полна сил и энергии. Вот как удачно второй раз замуж вышла за своего Коленьку, что светилась просто.

— Доченька!

Она заключила меня в объятия и посмотрела на мою подругу:

— Лина, ну ты совсем не изменилась.

— Здрасьте, тёть Люб!

— С приездом! — неказистый, худощавый и низкорослый Николай Петрович, пожал мне руку.

Я заворожённая происходящим просто осоловела от удовольствия. Пахло свежеиспеченными пирогами и хвоей от наряженной живой елки. Двери в гостиную были открыты, и виднелся стол, гости, но все свои, родня. В углу потрескивала печь, а на стенах новые обои. Везде чувствовалась заботливая рука хозяина.

Улыбалась, глядя на этих двоих. Как же хорошо, что мама не одинока, что у нее есть надежное плечо рядом. А дом... Дом стал еще уютнее, еще роднее, хранимый любовью и заботой двух немолодых людей. В городке только одна из сестёр жила, остальные приезжали сюда. Так что помогать особо не кому.

— А где Соня? — спросила я.

— Спят пока, — тихо ответила мама, кивнув в сторону узкой двери, что вела в дальнюю комнату. Когда-то маленький закуток был моим, теперь вот Соня приезжала и здесь останавливалась.

В родном доме, конечно, я чувствовала себя защищенной. Правда ненадолго это чувство. Оно быстро исчезло, когда я увидела своих четырех старших сестер. Раздавала подарки

детям, ещё не заходя в гостиную, а там взгляды холодны, а улыбки натянуты.

— А где Миша? — бросила Лена, старшая.

— Мы в разводе! — крикнула я.

— Тёть Люб, он её держит. И любовницу держит и нашу Ладу.

— Лина, прекрати, — расстроилась я.

Мама строго посмотрела на меня, и мне стало дурно.

— Я уеду просто, — предупредила всех, мальчикам и девочкам раздавая конфеты.

— Такого мужика не смогла удержать! Начальник, красавец, спокойный, как Боинг в полёте.

— Да он абьюзер, — взорвалась Линка и пошла в гостиную.

— Приехала, блин, — расстроилась я.

Мама обняла и поцеловала меня. Стала легче. Но я видела, как сестры обменивались взглядами. Их зависть ко мне ощущалась почти физически. Чему завидовать?!

— Помнишь, как курить бросали с тобой? — тихо спросила у меня мама.

Я нахмурилась. Курить бросала очень давно. Повадилась ещё в школе, а потом, как папа от рака лёгких умер, так мы тут все бросили разом.

— Мам, ну ты сравнила… Лина!

— Я тощая? — доносился голос моей подруги. — Да, по сравнению с твоим окоровением третьей степени, да то-

щая…

— Почти так же. Изгони из себя этого мужика, закрепись в мысли, что это прошлое и нельзя. Соня как сильно возненавидела его, — мама покачала головой. — Как нехорошо, что так Кренёв с тобой.

— Соня утрирует, мам… Лина!

— … Ладка добрая, приятная во всех отношениях.

— Тряпка и дура, — кричала уже подвыпившая Светка.

— Ты хабалка и думаешь, что это сила воли. А это быдлость, Света!

— Кто её в наш дом пустил?!

— Я просто Соню с Полиночкой заберу. Прости, мам. Лина!

Но Линку было не остановить. Просто ей общаться с клиентами надо, сдерживать себя вот всеми силами, а тут раздолье – скандаль сколько влезет. Тем более мою подругу, мои сёстры с детства ненавидели. Так что конфликт старинный и закоренелый.

Махнув на всё рукой, я пошла в свою бывшую комнату.

— Водичку пей, дыши и внутри себя повторяй, что у тебя новая жизнь, — посоветовала мама.

Конечно, если б это работало. Тут надо что-то поглубже.

— Да, что за стервы! — закричала мама, — Ребёнку даже домой не приехать!

— Ладка, а Ладк! — выбежала на кухню взъерошенная, но по-своему довольная Линка. — Чего молчишь?

Я отмахнулась.

Каждая из моих сестёр – взрослая женщина со своей уникальной историей, умудренная жизненным опытом и, к сожалению, разочарованиями.

Лена, самая старшая, всегда была амбициозной. Ей уже за пятьдесят, но она сохранила стройную фигуру и острый ум. Ее карьера в банковской сфере сложилась успешно, но личная жизнь оставляла желать лучшего. После болезненного развода полностью погрузилась в работу, редко позволяя себе отдых. Это ей Миша нравился. Но Кренёв по молоденьким специалист.

Света, на пару лет младше Лены, всегда была творческой натурой. Ее рыжие волосы, как и характер, всё еще пылали огнем. Она преподавала искусство и труды в местной школе. И хотя учительница ИЗО должна быть априори самым добрым преподавателем в школе, это не про нашу Светлану. Это её Линка называла быдлом. Недалеко от истины.

Ольга, третья по старшинству, всегда была практичной и рассудительной. Успешно управляла небольшим магазином. Развод стал для нее тяжелым ударом, там отец забрал детей. И детей так настроил, что она бесконечно одинока. Нашла утешение в воспитании двоих внуков ещё одной сестры Наташи.

Наташе сорок пять. Ее развод был самым недавним и, кажется, самым болезненным. Она спивалась.

Все четверо сидели за столом, детей их не было, но были

внуки. С удовольствием погрызлись с Линкой, которую мама выставила на кухню и закрыла дверь.

— Не, ты видала? — подруга смотрела мне в глаза. — И ты ничего не скажешь?

— Нет, — прошептала я.

Разве мы выбираем сестёр? Я младшая, они как-то рано ушли из дома, и я не пострадала от них. И мама всегда защищала, хотя сама волевая особа. Опыт сделал сестёр мудрее, хотя и немного циничнее. В их разговорах часто проскальзывали нотки горечи.

Несмотря на их сложные характеры и наши непростые отношения, я не могла не восхищаться их стойкостью и силой духа. В отличие от меня, они независимы. Мне бы поучиться.

****

Моя дочь Соня, молодая мама восемнадцати лет, держала на руках мою маленькую внучку Полиночку. Их силуэты казались мне воплощением самой жизни.

Соня выглядела такой юной! Ребёнок с ребёнком. Ну, что за милота в моей жизни!

У неё тёмно-русые волосы, собранные в небрежный пучок, а в серых глазах светилась нежность и легкая усталость – неизменные спутники молодых мам. Она покачивала Полечку на руках, что-то тихонько напевая.

Моя драгоценная внучка, ей всего шесть месяцев. Ее пухлые щечки розовые после сна, а большие голубые глаза с любопытством изучали мир вокруг. Она крепко держалась за

мамину белую футболку своими крошечными пальчиками, иногда издавая забавные звуки.

Глядя на них, мое сердце переполнялось любовью. Эти два человечка – самое дорогое, что у меня было в жизни.

Это чувство не описать! Сладчайшее умиление и бесконечная любовь.

Полечка заметила меня и в восторге улыбнулась, узнав бабушку, протянула ко мне ручки.

— Моя сладкая, — прошептала я, забрав у дочери девочку.

— Привет, мам, — сонно прошептала Сонечка и поцеловала в щёку. — Ну, и змеиное гнездо, скажу тебе. Не дала тебя в обиду. Нечего оправдывать предателей.

Ничего не хотела говорить. Улыбалась внучке. Полина смотрела на меня своими ясными глазками, на щёчках ямочки, губки такие… Знакомые.

Как же быстро летит время! Моя маленькая девочка выросла и стала мамой. Давно ли я с ней на руках в помятой футболке стояла на этой кухне.

Связь поколений, бесконечная цепочка любви, которая связывала нас всех.

— Ба, мы наверное домой поедем.

— Нет, Лада не кормлена! — возмутилась, мигом перевоспитанная Света.

— Да, что такое! Твою маму надо накормить, и Полечке толокно сейчас сварим, — подтвердила Наташа.

И я нежно улыбнулась, продолжая держать внучку на руках.

— Вот так, моя девочка, — прошептала ребёнку. — Нужно просто подождать, и они станут добрее. Потому что для женщины важно делать паузу.

И вот сёстры уже плакали, расчувствовались, Линку принимали и ухаживали за гостьей. Нам с Полиной толокняной кашки налили. И пришлось задержаться на пару часов.

Возвращались уже в темноте. И было в салоне у нас уютно и чудесно. Играла тихо музыка, дрыхла в люльке Полиночка. Соня печатала что-то на своём планшете, разложив на коленях портативную клавиатуру. Моя кисулечка ещё и работала!

Вот таких девочек ещё поискать.

— Ма, заедем в одно кафе, купим на ужин пирожков с капустой. Понравились очень.

— А бабушкины пироги кто есть будет? — усмехнулась я. — Заедем, конечно.

— А давай мне пироги, — тихо сказала Лина.

— Забирай, я на диете, Сонюшка ест только то, что нравится.

— Просто я… Я Виталику написала. Скорпиону своему.

— Он человек, — недовольно отозвалась я. — Ему понравятся пироги. И оливье заберёшь.

— Хорошо, — притихшая Лина молчала почти всю дорогу.

Ничего ей говорить не стала. Высадила в её районе, чмокнула в щёку и отпустила с контейнерами полными еды восвояси.

Ехали ближе к центру города, к своей квартире.

Поздний вечер окутал город. Улицы постепенно затихали, уступая место ночной жизни. Опять запускали фейерверки, но не так активно, как в новогоднюю ночь.

— Вот здесь мам, — указывала Соня дорогу.

— Я сбегаю, — высмотрела место, чтобы припарковаться у кафе.

И осознала, что это то самое кафе, которое приютило нас с Димой ранним утром. И кафе это с интригующим названием "Пирожок". Рассмотрела красивую вывеску, мягко светящуюся в вечерней темноте, которую даже не запомнила с похмелья.

Внутри смятение, я, припарковав машину, не заглушила её, чтобы девочкам моим было тепло.

— Ох, ты, — прошептала я, выходя к кафе.

«Пирожок» переливался заманчиво жёлто-оранжевым светом, подмигивал красным, вызывая аппетит.

— Да, ладно, — не верила я своим догадкам.

Колокольчик над дверью мелодично прозвенел, оповещая о моем прибытии. Теплый аромат свежей выпечки окутал. Столики, барная стойка, сбоку прилавок с приличным ассортиментом выпечки.

Мой взгляд скользнул по витрине, наполненной разнооб-

разными пирожками.

— Что желаете? — улыбнулась девушка в красивом фартуке, на котором было написано «Пирожок».

— Три пирожка с капустой и морс из лесных ягод.

Пока упаковывали мой заказ, я осмотрелась. Уютный интерьер. За столиками сидели посетители. Атмосфера умиротворения и тепла. И я это променяла на поездку в машине со змеем!

Во, дура!

Кафе "Пирожок" стал приятным завершением дня, подарив мне не только вкусный ужин, но и теплые воспоминания.

Ведь мое внимание привлек стенд с портретом хозяина пекарни. Я замерла на мгновение, всматриваясь в знакомые черты лица. Воспоминания унесли меня во вчерашнюю ночь. Теперь, стоя перед его портретом, я понимала, что он – мечта.

Дима Пирожок в поварском колпаке и в фартуке сложил свои сильные руки на груди и добродушно улыбался. Надпись под его портретом гласила, что он – хозяин пекарни и сети кафе "Пирожок" по всему городу и области.

— Вот ты и попался, — прошептала я с улыбкой и какой-то необычно приятной грустью на душе. И слёзы радости потекли по щекам. — Никуда теперь не денешься, красавчик.

Новая глава жизни

Бабушка Михаила Кренёва, всегда была очень близка с моей дочерью. Когда Соне исполнилось двенадцать лет, прабабушка решила оставить ей в наследство свою просторную трехкомнатную квартиру рядом с центром города. Переписала на мою девочку жилплощадь, и отошла в мир иной. Будто знала, что нам так пригодится жильё однажды, ведь внучок её на улице готов будет оставить жену и дочь. Фамилию прабабушки, Игнашкова, Соня взяла себе. Как только у нас с Кренёвым

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.